

ГЕНЕЗИС ДЕНЕГ И ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЕ

Раскрывается специфика генезиса денег и денежных отношений в первобытной культуре с позиции фактов, заявленных антропологией, которые в достаточной мере позволяют говорить, что деньги в первобытной культуре существовали. Непосредственно для хозяйственного обмена (бартера) они не требовались, но деньги функционировали в некоммерческих формах и инициировались необходимостью рациональной утилизации излишков в первобытном обществе. С одной стороны, деньги в ритуальном обмене «кула» объединяли различные части первобытного общества, после чего становился возможным хозяйственный обмен. С другой стороны, в ритуале «потлач» за деньгами публично закреплял количество потребленных жертвенных благ, которым с наступлением нового ритуала предписывалось вернуться владельцам с произвольным приростом.

Ключевые слова: деньги, культура, генезис денег, первобытная культура, денежные отношения.

Общепринятое распространенное мнение, что деньги как таковые появились в ранних цивилизациях Ближнего Востока. Однако оно не является единственным, поэтому проблема их возникновения остается не решенной. Сегодня в данном вопросе экономическая наука придерживается двух авторитетных теорий, разработанных философией, которые не связывают генезис денег с первобытностью.

Государственно-правовая концепция генезиса денег появилась первой и была сформулирована древнегреческим философом Аристотелем. Он считал, что деньги появились в Античности в силу общей договоренности: «Деньги возникли путем соглашения, не из природы вещей, а путем закона... Словно замена потребности, по общему договору появилась монета» [1, с. 210]. Эта концепция позволила развить мнение экономистам о том, что эмитентом денег может выступать только официальная государственная власть.

Товарно-эволюционная концепция была предложена К. Марксом [2]. Сегодня ее придерживаются большинство отечественных ученых. Ее суть в том, что генезис денег не связан с первобытной культурой, так как коммерческих отношений в ней не было. Согласно учению К. Маркса, деньги появились гораздо позже у кочевых народов из потребности представления меновой стоимости товаров: «Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины» [3, с. 97].

Главным аргументом отсутствия денег в вышеизложенных общепринятых теориях, является факт того, что в первобытной культуре отсутствовал излишек. Но Б. Малиновский в своих исследованиях указывал на то, что в земледелии туземцы производили больше, чем могли потребить [4]. И как справедливо вслед за Ж. Батаем [5] указывает современный исследователь И. Болдырев: «Ни

рост, ни размножение не были бы возможны, если у организмов не было бы некоторого избытка энергии» [6]. Помимо этого на основе исследования М. Салинза современный ученый А. Белик говорит следующее: «Один из наиболее распространенных мифов об охотниках и собирателях состоял в том, что они живут на пределе физических возможностей, работают от зари до зари и, тем не менее, нередко остаются голодными» [7, с. 69].

В XX в. исследователи культурной антропологии (среди которых Л. Морган, М. Мосс, Ж. Батай, М. Вебер, Д. Фрэнгер, Б. Малиновский, М. Саллинз) хотя и свидетельствовали о том, что первобытные люди старались производить столько, сколько необходимо, но доказали, что излишек все равно образовывался, при этом он не носил характер товара, «продукта труда, произведенного для продажи» [8].

Чтобы избежать «причин волнения» [5, с. 95], излишек утилизировался через бартер и дисциплинированно исполнявшиеся в первобытной культуре некоммерческие типы обмена. В этом смысле первобытная культура отчасти уже знала рациональность в ее «традиционной интерпретации на четкость, обусловленность, предсказуемость» [9, с. 118] (древние племена использовали несложные расчеты при строительстве лодок и соблюдали пропорции в наскальной живописи). Это исключает мнение о случайном количестве обмениваемых благ, о котором говорил К. Маркс: «Их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Они вступают в обмен лишь благодаря тому, что владельцы желают взаимно сбыть их друг другу» [3, с. 98]. При этом, как заметил Н. Булгаков, «необходимость в деньгах как орудия обмена настолько бесспорна и очевидна, что деньги неизбежно появляются повсюду, где есть обмен» [10, с. 201].

К этой категории относились предметы роскоши, ценные вещи: «Большие топоры, нефрит, пики, зубы кашалота, несомненно, являются деньгами, так же как и многие раковины и кристаллы» [11,

с. 114]. Среди многообразия видов денег особо выделялись медные слитки. Каждый значительный из них имел свое имя, историю и свою стоимость: «За такую-то американскую медь причитается плата в столько-то одеял, такому-то ваигу'а соответствует столько-то корзин ямса. Идея числа там присутствует даже тогда, когда это число устанавливается иначе, чем авторитетом государства, и варьирует в ряде кул и потлачей» [11, с. 118–119]. Деньги участвовали в процессах замещения в ритуалах и обладали пусть и неточной, но исчисляемой способностью: «Верно также, что эти стоимости неустойчивы и лишены свойств, необходимых для эталона, меры» [11, с. 118].

В этом смысле культурной антропологией давно заявлены факты существования такого рационального образования, как деньги в первобытной культуре. Факт их наличия означает, что уже тогда они были востребованы конкретными историческими условиями, и в своем ответе на востребованность они и возникали. Итак, чем инициировались деньги и в чем заключалась специфика денежных отношений в первобытной культуре?

Генезис денег, будем утверждать (хотя, как говорилось, не все исследователи согласятся с этим утверждением), начинается с первобытного общества, т. е. с того самого периода, от которого берет свое начало культура. Сошлемся на авторитет М. Вебера, который считал, что деньги в первобытной культуре существовали и на этом этапе выполняли функцию платежа: «В этой стадии деньги не являются орудием обмена; такое свойство возможно потому, что и система хозяйства без обмена знает отношения или услуги между отдельными хозяйствами, не основывающиеся на обмене, но все же требующие наличия платежных средств: таковы дани, подарки вождю, выкуп за жену, приданое, вира, пени, штрафы, т. е. взносы, производимые установленными платежными средствами» [12, с. 223].

Как отмечал М. Вебер, изначально эти вещи были предметом личного использования: «...нет такого объекта, носящего характер денег, который не представлял бы вместе с тем характера индивидуального имущества» [12, с. 222]. Такой собственностью «являются предметы, которые отдельный человек сам для себя изготовил; это – орудия и оружие у мужчин, предметы украшения у мужчин и женщин» [12, с. 223]. Они дифференцировались по половой принадлежности: «...владение определенными арагонитными камнями предоставлено мужчинам, между тем как жемчужные раковины являются исключительно деньгами женщин и даются им в приданое» [12, с. 224].

М. Мосс также считал, что «ваигуа» (ценные вещи) справедливо считать первыми деньгами: «...

эти драгоценные вещи выполняют те же функции, что деньги в наших обществах, и, следовательно, могут удостоиться включения в ту же категорию, по крайней мере» [11, с. 118–119]. Понятие денег традиционно применяется «к объектам, служащим не только средством обмена, но еще и эталоном для измерения стоимости» [11, с. 118]. Он также отмечал, что почти все ценные вещи носили статус драгоценностей, обладающих магическими свойствами.

Современный финансист Б. Лиетар констатировал факт того, что существовали различные типы обмена: «В конце концов, только в современной западной культуре полный приоритет имеет коммерческий обмен» [13, с. 44]. М. Мосс отмечает, что деньги в первобытной культуре не исчерпывались только экономическим значением. К примеру, деньги приносили в дар умирающим: «Ваигуа кладут на лоб, на грудь умирающего, ими трут его живот, их заставляют плясать перед его носом. Они составляют его последнюю поддержку» [11, с. 121].

Приведенный пример свидетельствует о специфике пралогического, первобытного мышления, обуславливающего денежные отношения. Л. Леви-Брюль [14, с. 139], говоря о нем, отмечал, что оно не отвергало понятийных операций (первобытный человек мог определять количество полученных благ, а также количество пройденных деньгами кругов кулы), но в то же время базировалось на идее магического перформатизма, на вере ритуального воздействия на жизнь и поступки человека и племени. Древний мир специфическим образом реализовывал способность ритуала быть эквивалентом реального действия. По утверждению А. В. Карабыкова [15], это было мышление в форме архаико-языческого магизма. Специфика ментальности задавала видение картины мира и конкретных человеческих практик. Так, человек того времени верил, что щедрость дара должна быть количественно превосходящей, подразумевающей необходимость отдать чуть больше, чем взял: «... всегда было нечто даваемое в виде вознаграждения за заем и возвращаемое при возврате займа» [11, с. 134]. При этом дар представлял не что-то определенное, а «лишь излишек, взятый из массы полезного богатства» [5, с. 53].

Этнологические раскопки также свидетельствуют, что в ритуальных обменах участвовали вещи-посредники, поэтому «антропологи XX века исчерпывающе показали, что „первобытные общества“, как они их называли, пользовались бартером достаточно редко, зато деньги у них использовались повсеместно и маркировали долг, который невозможно отдать – как в примерах платы за неве-

сту или за убитого соплеменника» [16, с. 31]. Предложенные факты в достаточной мере позволяют говорить о том, что деньги в первобытной культуре существовали, хотя и не выполняли всех общепринятых функций.

Непосредственно для бартера (хозяйственного обмена), деньги не требовались, так как он позволял самостоятельно получить путем переговоров двум сторонам столько потребительских благ, сколько было возможно, при этом участвующий излишек всегда должен был быть новым, что также свидетельствует не в пользу постоянно перемещаемых денег, «бывшие в употреблении вещи никогда не являются гимвали...» [4, с. 198].

М. Мосс свидетельствовал, что бартерный обмен отличался от ритуального: «Туземцы четко разграничивают кула и обычный обменный торг, который у них широко распространен, о котором они имеют четкое представление, пользуясь для его обозначения особым термином (гимвали по-киривински) [4, с. 109]. Его специфику Б. Малиновский описывал так: «Они подчеркивали отсутствие церемонии, допустимость вести торг в той свободной манере, в которой гимвали может происходить между двумя посторонними» [4, с. 109].

При этом самостоятельно бартер существовать не мог, он становился возможен только после установления «магического единства» и практиковался в дополнение к куле [17, с. 74], поэтому, как отмечал Й. Хейзинга: «Торговля полезными вещами также входит в подобные путешествия, но как нечто второстепенное» [17, с. 74]. Хотя у первобытных людей присутствовало стремление к изобилию, данный статус можно объяснить свидетельством М. Салинза: «Это не означает, что охотники и собиратели обуздали свои материальные импульсы; они просто не делали из них института» [18, с. 30].

Ритуал «кула» представлял собой межплеменной обмен. Б. Малиновский описывал его на примере туземцев Тробрианских островов, в котором главными объектами дарообмена выступали «мвали», браслеты из раковин, движущиеся с запада на восток, и «сулава», ожерелья, циркулирующие в обратном направлении. Деньги в данном процессе помогали активизировать «механизм тотальных поставок» (термин М. Мосса), где за подарком следует ответный подарок: «Это никогда не может быть бартером – непосредственным обменом, с оценкой эквивалента и спором о цене» [4, с. 351].

Посредством ритуала «кула» приобретался престиж, уважение и дружба через обмен дарами и взаимными услугами: «...кула – это еще и ряд других актов и действий, таких как постройка лодок и знание правил навигации, демонстрация продуктов питания, пиршества, культовые практики,

разработанная система магии и мифология» [4, с. 533].

Существовали строгие церемониальные правила для ритуала «кула», отступить от которых было нельзя. Б. Малиновский называл это «кодексом тщеславия»: «Туземное выражение „бросать“ драгоценность хорошо передает природу этого действия, потому что хотя ценность должна передаваться дающим, но получатель почти не обращает на него внимания и редко берет прямо в руки. Этикет сделки требует, чтобы дар вручался в резкой, почти раздраженной манере и принимался с таким же безразличием и пренебрежением» [4, с. 351].

Деньги не рождались в данном ритуале из необходимости предъявления на рынке меновой стоимости товара и не имели собственной потребительской ценности: «В процессе этого плавания племени, выступающие по обычаю как партнеры, обмениваются предметами, которые не имеют никакой потребительской ценности, – это бусы из красных и браслеты из белых ракушек, – но в качестве дорогих и прославленных украшений, нередко известных по имени, переходят на время во владение другой группы» [17, с. 195].

Ритуальный обмен «кула» предписывал первобытным деньгам всегда находиться в обращении, так как чем в большем количестве кругов обмена участвовала вещь, тем более повышалась ее ценность: такие вещи выступали посредниками в ритуальном обмене, считалось, что они давали возможность владеть «маной»: «Мана – это то, что присуще вещи, но не сама вещь» [11, с. 195]. Сама идея изобилия напрямую была с ней связана: «Богатство рассматривается как результат действия маны, на некоторых островах слово мана даже имеет значение „деньги“» [11, с. 103]. Иными словами, деньги являлись индикатором постоянных социальных связей между племенами, в прекращении которых люди были не заинтересованы: «Когда подарки прекращаются, это означает войну» [12, с. 224–225].

Ритуал «потлач» – это не просто обмен, а ритуализированный «праздник и одновременно действие, где кланы соревнуются в щедрости» [17, с. 69]. М. Мосс уточнял его следующим образом: «Потлач означает, главным образом, „кормить“, „расходовать“» [11, с. 90]. В данном ритуале обязательно приносились дары богам: «Придают смерти рабов, жгут драгоценный жир, выбрасывают в море медные изделия и даже сжигают дома вождей не только для того, чтобы продемонстрировать власть, богатство, бескорыстие, но и для того, чтобы принести в жертву духам и богам...» [11, с. 107].

Обмен с богами был обязателен, так как считалось, что даже личная собственность принадлежит

им, и «именно они являются подлинными собственниками вещей и благ мира» [5, с. 106–107]. Пожертвование денег духам служило средством общения с потусторонними силами и имело своей целью получить их благорасположение: «Это делает их духов добрыми. Они уносят тень этих ценных вещей в страну мертвых, где соперничают в богатствах, как соперничают живые, вернувшиеся с торжественной кулы» [11, с. 108]. М. Мосс давал следующее объяснение этому явлению: «Точный смысл и цель жертвенного уничтожения – служить даром, который обязательно будет возмещен» [11, с. 107].

Однако, как отмечал Ж. Батай, этим ритуал не исчерпывался: «Уничтожение богатств не является правилом потлача: обычно они раздариваются, и в результате этой операции теряет даритель, тогда как совокупность богатств сохраняется» [5, с. 68]. Возмещенное тут же жертвуется людям, тем самым употребляется на последующее приобретение нового богатства.

В силу этого наиболее желанной ценностью для потлача были медные слитки: «Однако объектом наиболее важных верований и даже культа выступают медные слитки с клеймом, которые являются основополагающими для потлача» [11, с. 163]. В отличие от других ценных вещей при публичном уничтожении со временем «слитки ищут друг друга», воссоединяются и переплавляются, тем самым увеличивая свою ценность: «Предметы имеют священную ценность. Они обладают волшебной силой, у них есть своя история, рассказывающая, как они были добыты впервые» [17, с. 73].

Люди стремились к обладанию слитками, они выступали в роли талисманов для своих владельцев: «Вначале, помимо своей экономической сущности, своей стоимости, они обладают преимущественно магической сущностью и выступают, главным образом, как талисманы: life-givers [дающие жизнь]...» [11, с. 118]. Статус талисмана возможно объяснить тем, что он сам являлся сохраненным излишком для владельца в будущем, что страховало его от потери авторитета и дальнейшего физического уничтожения.

Согласно принципу симпатической магии человек, обладающий таким талисманом, подобен высшим силам, поэтому проявление щедрости и возмещения являлось необходимым условием. В ритуале приобреталась честь, уважение и величие, в первобытной культуре они считались материальными понятиями: «В соответствии с экономической трактовкой жертвовать означает демонстрировать для себя и других запас сил, средств, мужества, благорасположения Всевышнего» [19, с. 227].

В ритуале «потлач» раздача даров имела целью «унизить» соперников, так как по отношению к да-

ющему требовалось еще большее возмещение: «Чаще всего он состоит в торжественном дарении значительных богатств, предлагаемых вождем своему сопернику, чтобы унижить его, бросить ему вызов, обязать его» [5, с. 59]. Если человек не мог подарить ответный дар в течение определенного времени, то невозможность возмещения вела к рабству: «Индивид, который не смог вернуть долг или потлач, теряет свой ранг свободного человека» [11, с. 154]. Тем самым устанавливалось социальное неравенство через функционирующую систему уступок прав требования: чтобы заслужить собственное право требовать что-то, нужно сначала удовлетворить потребности, права требования других.

Сохранить собственное имущество и высокий социальный статус было возможно только посредством правильной траты: «Вождь должен устраивать потлач за себя, своего сына, зятя или дочь, за своих умерших. Он сохраняет свой ранг в племени и в деревне, даже в собственной семье, он поддерживает свой ранг среди вождей в национальном и международном масштабе, только если доказывает, что духи и богатство постоянно посещают его и ему благоприятствуют, что богатство это обладает им, а он обладает богатством, и доказать наличие этого богатства он может, лишь тратя его» [11, с. 146–147].

Таким образом, современная антропология свидетельствует о генезисе денег в первобытной культуре, где они иницировались необходимостью рациональной утилизации излишков. Специфика денежных отношений обуславливалась пралогическим (мифологическим) стилем мышления, в силу которого деньги начали функционировать в некоммерческих типах обмена, где материальная сторона не имела преобладающего значения. С одной стороны, деньги в ритуальном обмене «кула» не обладали утилитарной полезностью, не были напрямую связаны с возможностью получения излишка, но имели целью объединить различные части первобытного общества, после чего становился возможным хозяйственный обмен. В ритуале «потлач» за деньгами публично закреплялось количество потребленных жертвенных благ, которым с наступлением нового ритуала предписывалось вернуться владельцам с произвольным приростом, тем самым с помощью денег поддерживался принцип щедрости в хозяйственном поведении первобытных людей. Деньги являлись средством для существовавшей системы взаимодействий, образующих социальную целостность, так как, с одной стороны, они означали отношения обязанности, а с другой – олицетворяли общественный «дар» и общественную «возможность», что позволяло им служить посредниками.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. I, кн. 1: Процесс производства капитала. М.: ЭКСМО, 2012. 1196 с.
3. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 924 с.
4. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2004. 552 с.
5. Батай Ж. Проклятая доля. М.: Гнозис: Логос, 2003. 208 с.
6. Болдырев И. А. Жорж Батай и его «Экономическая теория» // Аспекты: сб. ст. по филос. проблемам истории и современности. Вып. V. М.: Современные тетради, 2008. С. 9. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Aspecty_V_read.pdf
7. Белик А. А. Экономическая антропология: взаимодействие экономики и культуры // Эконо. журн. 2010. № 20. С. 69. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-antropologiya-vzaimodeystvie-ekonomiki-i-kultury> (дата обращения: 16.02.2015).
8. Маркс К. Капитал. Т. I, гл. 1. «Товар». URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-01.html#c1> (дата обращения: 12.02.2015).
9. Ардашкин И. Б. Статус рациональности в контексте проблемы // Вестник ЧелГУ. 2008. № 14. С. 118. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/status-ratsionalnosti-v-kontekste-problemy> (дата обращения: 07.02.2015).
10. Булгаков С. Н. История экономических и социальных учений. М.: Астрель, 2007. 988 с.
11. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общество. Обмен. Личность / пер. с фр. М.: Вост. лит., 1996. С. 83–222.
12. Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение. М.: «Гиперборей»: «Кучково поле», 2007. 432 с.
13. Бернар А. Лиетар Душа денег. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2007. 365 с.
14. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 193. 344 с.
15. Карабыков А. В. Логос и глагол. Символ, слово, речевое действие в культуре христианского средневековья. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2013. 352 с.
16. Хархордин О. В. «Куда идет теория практик: поворот к материальности», социологические исследования. 2012. № 11. С. 31. <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/25/1251441028/Hahordin.pdf> (дата обращения: 09.09.2013).
17. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс Традиция, 1997. 416 с.
18. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
19. Долгин А. Экономика символического обмена. М.: ИНФРА–М, 2006. 632 с.

Васильева И. А., зав. отделом.

ОГОАУ ДПО ТОИУМЦКИ, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: suhova-i@mail.ru

Материал поступил в редакцию 17.02.2015.

I. A. Vasilyeva

GENESIS OF MONEY AND MONEY RELATIONS IN PRIMITIVE CULTURE

The article reveals the specifics of the genesis of money and monetary relations in primitive culture from the perspective of facts stated in anthropology, which sufficiently suggested that money existed in primitive culture. Directly to economic exchange (barter), they were not required, but the money worked in non-functioning forms of exchange and initiated rational disposal of surplus. Money in the ritual exchange of “Kula” united the different parts of the primitive society, after that the economic exchange was possible. In the ritual of “potlatch” the money were fixed amount consumed for sacrificial benefits that had to return to the owners with increasing in future.

Key words: *money, culture, money`s genesis, primitive culture, money relations.*

References

1. Aristotel. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow, Misl` Publ., 1984. Vol. 4. 830 p. (in Russian).
2. Marks K. *Capital: kritika politicheskoy ekonomii* [Capital: critique of political economy]. Vol. I, Moscow, EKSMO Publ., 2012. 1196 p. (in Russian).
3. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions]. Vol. 23, 2nd izd. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1960. 924 p. (in Russian).
4. Malinovskiy B. *Izbrannoe: Argonavti zapadnoy chasti Tihogo okeana* [Favorites: Argonauts of the Western Pacific]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2004. 552 p. (in Russian).

5. Batay Zh. *Proklyataya dolya* [Accursed share]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ. 2003. 208 p. (in Russian).
6. Boldyrev I. A. Zhorzh Batay i ego ekonomicheskaya teoriya [Georges Bataille and his "Economic Theory"]. *Aspecty: sb. statey po filos. problemam istorii i sovremennosti – Aspects: Collection of articles on philosophical problems of history and modernity*, 2008. P. 9. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Aspecty_V_read.pdf (in Russian).
7. Belik A. A. Ekonomicheskaya antropologiya: vzaimodeystvie ekonomiki i kultury [Economic anthropology: the interaction of the economy and culture]. *Ekonomicheskij zhurnal – Economic journal*, 2010, no. 20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-antropologiya-vzaimodeystvie-ekonomiki-i-kultury> (in Russian).
8. Marks K. *Tovar* [Goods]. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-01.html#c1> (in Russian).
9. Ardashkin I. B. Status ratsionalnosti v kontekste problemy [Status of rationality in the context of problem]. *Vestnik ChelGU – ChelSU Bulletin*, 2008, no. 14, p. 118. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/status-ratsionalnosti-v-kontekste-problemy> (in Russian).
10. Bulgakov S. N. *Istoriya ekonomicheskikh i sotsialnih ucheniy* [The history of economic and social teachings]. Moscow, Astrel' Publ., 2007. 988 p. (in Russian).
11. Moss M. *Ocherk o dare* [Essay on the gift]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996. Pp. 83–222 (in Russian).
12. Veber M. *Istoriya hozyastva. Birzha i eyo znachenie* [History of the economy. Exchange and its significance]. Moscow, "Giperboreya", "Kuchkovo pole" Publ., 2007. 432 p. (in Russian).
13. Lietar B. A. *Dusha deneg* [Soul of money]. Moscow, Olimp: AST: Astrel' Publ., 2007. 365 p. (in Russian).
14. Levi-Brul' L. *Pervobitnoe mishlenie* [Primitive Thinking]. Moscow, Ateist Publ., 1930. 344 p. (in Russian).
15. Karabykov A. V. *Logos i glagol. Simvol, slovo, rechevoe deystvie v kulture christianskogo srednevekoviya* [Logos and verb. Symbol, word, speech act in the culture of the Christian Middle Ages]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2013. 352 p. (in Russian).
16. Kharkhordin O. B. "Kuda idet teoriya praktik: povорот k materialnosti", *sotsiologicheskie issledovaniya* ["Where does the theory of practice go: the turn to materiality", social studies] 2012, № 11. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/25/1251441028/Hahordin.pdf> (in Russian).
17. Heyzinga Y. *Homo Ludens: Stat' l po istorii kulturi* [Homo Ludens: Articles on the history of culture]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 1997. 416 p. (in Russian).
18. Salinz M. *Ekonomika kamennogo veka* [The economy of the Stone Age]. Moscow, OGI Publ., 1999. 296 p. (in Russian).
19. Dolgin A. *Ekonomika simvolicheskogo obmena* [The economy of symbolic exchange]. Moscow, Infra Publ., 2006. 632 p. (in Russian).

Regional Innovation Training Center of Culture and Arts, National Research Tomsk State University.
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: suhova-i@mail.ru